

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.57.001](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.57.001)

Оригинальная статья / Original paper

Чарлз Дж. Гальперин

Независимый исследователь, Блумингтон, Индиана, США

E-mail: chalperi@iu.edu

Двина в правление Ивана IV

Аннотация

Статья рассматривает своеобразное общество Двинского региона — самой северной окраины Московского государства на Белом море (Поморья), — отраженное в собрании более чем 200 малоисследованных грамот. В Двине отсутствовали дворяне и бояре; ее население состояло из крестьян и духовенства. В социальном отношении она все же сохраняла некоторые черты, общие с Центральной Московией, хотя зачастую с местным своеобразием. Например, в Двине следовали практике Центральной Московии, запрещая право (обратного) выкупа в купчих и дарственных грамотах, хотя в этом не было необходимости, но при этом никогда не уполномочивали кого-либо осуществлять это право. Семьи занимались коллективной хозяйственной деятельностью, однако без преобладания братской совладельческой формы («брат с братом»). Свидетельства формирования местной двинской идентичности скудны, но, по крайней мере, существовало слово «двиняне» для обозначения жителей Двины. Особое внимание уделяется роли дяжков (писцов), которые, помимо составления грамот, выступали также в качестве свидетелей — явление, крайне редкое для Центральной Московии, но здесь заметное и, несомненно, заслуживающее дальнейшего изучения. Эта практика проливает свет как на московскую документальную традицию — дяжк не мог свидетельствовать грамоту, которую он сам написал, — так и на общественные отношения: крестьяне, по-видимому, на-

ходились в тесных связях с дьяками, что позволяло последним составить более трех четвертей документов с установленным авторством.

Ключевые слова:

Двина; Поморье; Иван IV (Иван Грозный); дьяки; писцы; свидетели

Для цитирования:

Гальперин Ч. Дж. Двина в правление Ивана IV // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 10–45. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.57.001](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.57.001)

Charles J. Halperin

Independent Scholar, Bloomington, Indiana, USA
E-mail: chalperi@iu.edu

Dvina during the Reign of Ivan IV

Abstract

The article examines the distinctive society of the Dvina region, the northernmost periphery of Muscovy on the White Sea (*Pomor'e*), as reflected in a collection of over 200 underutilized charters. Dvina lacked gentry or boyars; its population consisted of peasants and clergy. Socially it still had some elements in common with Central Muscovy, although often with a local twist. For example, Dvina followed Central Muscovite usage of denying redemption in sales or donation charters although they did not need to, but never authorized anyone to exercise the right of redemption. Families engaged in collective businesses, but without the dominance of brother-with-brother co-ownership. Evidence of Dvina resident identity is meager, but at least the word *Dviniane* for «Dvinians» existed. Particular attention is devoted to the role of secretaries, who, in addition to physically writing charters, also served as witnesses, a phenomenon that occurs very

rarely in Central Muscovy but stands out here and certainly merits further study in Central Muscovy. This pattern sheds light both upon Muscovite documentary practice, a secretary could not witness a charter he wrote, society, peasants must have enjoyed close relations with secretaries to afford them the opportunity to produce over three-quarters of the documents which have identified writers.

Keywords:

Dvina; Pomor'e; Ivan IV (Ivan the Terrible); Secretaries; Witnesses

For citation:

Charles J. Halperin. Dvina during the Reign of Ivan IV // *The Historical Reporter.* 2026. Vol. 57. P. 10–45. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.57.001](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.57.001)

В своем классическом исследовании географии России XVI в. — «Россия в XVI столетии» — Михаил Николаевич Тихомиров выявил ключевые социальные и экономические характеристики региона Северной Двины, также называемой «Поморьем» (т.е. «у моря», где под «морем» понимается Белое море). По сравнению с остальной частью Московского государства, Двина в социальном отношении характеризовалась отсутствием дворян, или служилого сословия («детей боярских», ед.ч. — «сын боярский»), не говоря уже о самих боярах. Основную массу населения составляли «черные» крестьяне, не имевшие частного владельца и проживавшие на государственных землях, а также «дворцовые» крестьяне, жившие на землях, принадлежавших царской семье. Основой экономики являлись солеварение и рыболовство, а не земледелие¹.

В настоящей статье рассматриваются дополнительные сходства и различия между Двиной и Центральной Московией на основе, по-видимому, малоиспользуемого² собрания документов, опубликованного в 1922 г. («Сборник грамот Коллегии экономии», том 1: «Грамоты Двин-

¹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 227–240.

² Я выборочно проверил, упоминаются ли дьяки, фигурирующие в этих документах, в работе: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. Они не упоминаются.

ского уезда»³). Этот том содержит 640 документов, из которых 206 (№ 72–277) относятся ко времени правления Ивана IV. Лишь два документа (№ 126 и 138) публиковались ранее, причем эти публикации остаются труднодоступными⁴.

В центре моего внимания находятся как форма документов, так и их содержание. Ни одна статья не в состоянии в полной мере охватить все интереснейшие вопросы, поднимаемые данным корпусом источников, однако я постараюсь обозначить максимально возможное число тем в надежде стимулировать дальнейшие исследования. Особое внимание будет уделено вопросу о том, кто составлял документы и кто выступал их свидетелями. Уникальный социальный состав двинского общества обусловил побочный эффект, отличающий данный корпус источников от других публикаций документов эпохи правления Ивана IV, а именно сравнительно частое участие дьяков в качестве свидетелей юридических актов, иногда даже двух дьяков в одном документе. В других регионах бояре и дети боярские — инициаторы сделок — почти никогда не привлекали дьяков в качестве свидетелей и никогда — более одного на документ⁵. Несмотря на свою роль свидетелей и составителей документов, дьяки никогда не выступают в качестве инициаторов составления документов. Двинские крестьяне, являвшиеся инициаторами актов, использовали дьяков не только для составления документов, но и в качестве свидетелей и подписантов (хотя никогда — в документе, составленном ими самими). Эта уникальная особенность двинского документального корпуса открывает новый взгляд на общество Московского государства в эпоху Ивана IV.

Начнем с общей характеристики источниковой базы.

Документы Двины

Хронология двинских актов отражает интересную особенность. В табл. 1 показано распределение документов по годам⁶.

³ Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 1: Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922.

⁴ В тексте я буду ссылаться на документы (кроме таблиц) в скобках по их номеру в Сборнике грамот Коллегии экономии, т. 1.

⁵ Это противопоставление следует считать весьма предварительным ввиду современного состояния соответствующих исследований; см. ниже.

⁶ Документы, охватывающие несколько лет, я последовательно датирую по последнему году.

Таблица 1. Документы Двины по годам

Год	Количество	Номер документа
1534	№ 72–74	3
1535	№ 75–76	2
1536		0
1537	№ 77–79	3
1538	№ 80–82	3
1539	№ 83–85	3
1540	№ 86–89	4
1541	№ 90–94	5
1542	№ 95–96	2
1543	№ 97–105	9
1544	№ 106–107	2
1545	№ 108–110	3
1546	№ 111–113	3
1547	№ 114–117	4
1548	№ 118–119	2
1549	№ 120–126	7
1550	№ 127–132	6
1551	№ 133–135	3
1553	№ 136–138	3
1554	№ 139–142	4
1555	№ 143–144	2
1556	№ 145–151	7
1557	№ 152–154	3
1558	№ 155–156	2
1559	№ 157	1
1560	№ 158–159	2
1561	№ 160–161	2
1562	№ 162–164	3
1563	№ 165	1
1564	№ 166–167	2

Год	Количество	Номер документа
1565	№ 168	1
1566	№ 169–170	2
1567	№ 171–173	3
1568	№ 174–175	2
1569	№ 176–177	2
1570	№ 178–181	4
1571	№ 182–190	9
1572	№ 191–194	4
1573	№ 195–200	5
1574	№ 200–202	3
1575	№ 203–209	7
1576	№ 210–216	7
1577	№ 217–220	4
1578	№ 221–224	4
1579	№ 225–227	3
1580	№ 228–234	7
1581	№ 235–252	18
1582	№ 253–266	14
1583	№ 267–275	9
1584	№ 276–277	2

Равномерность распределения документов заслуживает особого внимания: за весь период правления Ивана IV наблюдается лишь один полный год без документов (если не учитывать неполный 1533 г.). Еще более примечательно существенное отличие от почти всех других корпусов документов в их годовом распределении. В иных регионах почти всегда фиксируется всплеск документальной активности в период опричнины, вызванный в значительной степени нестабильностью эпохи и наиболее ярко проявляющийся в пожертвованиях монастырям, а также в продажах имений испуганными боярами и детьми боярскими⁷.

⁷ Опричина — «государство в государстве», с помощью которого Иван начал массовый террор против населения Московского государства, была создана в 1565 г. и упразднена в 1572 г.

Как будет показано ниже, хотя данные типы документов продолжают преобладать и на Двине, наибольший пик документальной активности приходится на значительно более поздний период — 1581–1582 гг., т.е. уже после окончания опричнины. В эти годы было создано наибольшее число документов — 18 и 14 соответственно, что в сумме составляет 32 из общего числа 206 актов. Если добавить 1583 г. с его 9 документами, то на эти три года приходится 41 из 206 документов. Подобное распределение может быть объяснено как негативными, так и позитивными факторами. С одной стороны, несмотря на включение Двины в состав опричнины, здесь отсутствовало служилое сословие, которое в других регионах инициировало продажи и дарения земель, увеличивавшие объем документации. С другой стороны, рост количества документов на Двине может отражать экономическое развитие региона, связанное с активизацией торговли на Белом море благодаря английским и голландским купцам в Холмогорах, что в дальнейшем привело к основанию Архангельска; оба этих города располагались на территории Двины.

Табл. 2 демонстрирует распределение документов по их типам.

Таблица 2. Типы документов

Тип документа	Количество	Номер документа
купчая	71	№ 74, 78, 82, 84, 86, 92, 93, 94, 98, 100, 101, 108, 110, 111, 116, 121, 123, 131, 132, 133, 134, 136, 148, 150, 159, 161, 164, 166, 192, 194, 195, 196, 200, 202, 205, 209, 210, 217, 218, 222, 225, 226, 230, 231, 232, 233, 234, 237, 239, 240, 233, 242, 243, 248, 249, 251, 256, 257, 260, 263, 264, 265, 266, 267, 269, 270, 271, 273, 274, 275, 277
решение суда	1	№ 76
жертвование	67	№ 79, 83, 90, 102, 104, 105, 106, 107, 113, 114, 119, 120, 125, 127, 128, 130, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 147, 149, 152, 153, 154, 157, 160, 163, 167, 168, 170, 172, 177, 179, 180, 181, 183, 184, 187, 188, 191, 193, 197, 198, 201, 203, 204, 206, 208, 212, 214, 229, 235, 236, 238, 244, 245, 247, 250, 252, 253, 258, 259, 272
дарственная ⁸	3	№ 89, 103, 219

⁸ Отпись.

Тип документа	Количество	Номер документа
Указ Ивана IV	10	№ 96, 97, 109, 221, 228, 254, 255, 262, 267, 276
авизо	1	№ 155
ссуда ⁹	4	№ 145, 176, 190, 227
ссуда ¹⁰	3	№ 118, 178, 181
расписка ¹¹	1	№ 183
мировое соглашение ¹²	1	№ 261
доклад ¹³	1	№ 117
отказ(ная) ¹⁴	29	№ 72, 73, 75, 85, 87, 88, 95, 122, 124, 126, 129, 135, 135, 146, 151, 158, 171, 173, 175, 182, 185, 186, 189, 189, 199, 211, 213, 215, 216, 224, 246, 173
налогообложение ¹⁵	2	№ 138, 165
завещание	3	№ 80, 115, 162
сделка ¹⁶	4	№ 77, 91, 99, 174

Указы, изданные Иваном IV, не вызывают удивления, поскольку они в основном представляют собой ответы на челобитные монастырей, сообщавших о том, что должностные лица игнорировали их налоговые льготы или что крестьяне посягали на их территорию. Преобладание пожертвований и купчих является обычным явлением¹⁷. Как и в центральных регионах, в пожертвованиях оговаривалось, что даритель может продолжать жить на подаренной собственности до своей смерти (№ 83, 137, 145, 163, 177, 204, 206). Значительное коли-

⁹ Вкладная.

¹⁰ Закладная; вкладная и закладная могут различаться по точке зрения, соответственно заимодавца и заемщика.

¹¹ Запись.

¹² Мировая, добровольное соглашение.

¹³ Докладная.

¹⁴ Отступная, заявление об отказе от ответственности за имущество.

¹⁵ Сотня (так в тексте. — *Ред.*).

¹⁶ Дельная.

¹⁷ Поскольку над крестьянами, владевшими вотчинами или державшими условные земельные наделы, не было господ (дворян или бояр), в Двине отсутствуют послушные грамоты. Не было необходимости уведомлять крестьян о их новых владельцах, потому что у них не было владельцев. См.: *Halperin Ch.J. Obedience Charters during the Reign of Ivan IV // Russian History. V. 52. 2024. № 1. P. 131–153.*

чество отказных грамот может показаться несколько неожиданным. Я не встречал много документов такого типа, по крайней мере под этим названием, среди документов из центральных регионов. Отказные могли быть нескольких видов; один из них я упомяну ниже при обсуждении двинского общества.

Идентификация лиц, упомянутых в документах, сталкивается с обычными трудностями. Связать прозвища с официальными именами не всегда легко. Иногда географические обозначения можно спутать с фамилиями. Отчества в форме «Иван, сын Ивана» (Иван Иванов сын) нередко опускают слово «сын»; тогда приходится решать, является ли «Иванов» неполным отчеством или фамилией. Идентификация дьяков осложняется тем, что дьяки, крестьяне и представители духовенства, писавшие документы, не всегда обозначали каждого дьяка как дьяка при каждом упоминании его имени. Моим принципом было: «однажды дьяк — всегда дьяк», поскольку более вероятно, что писец считал излишним повторять должность дьяка, чем то, что небрежный писец приписал кому-либо статус дьяка без основания. Я избавил читателя от утомительного разбора каждого отдельного решения этих затруднений в именах свидетелей и писцов каждого документа, а также от обоснования применения термина «дьяк» к писцам.

Двина и Московия

Двина, несомненно, была географически периферийной по отношению к Москве, но она не была полностью изолирована ни от московского правительства, ни от текущих событий в Москве, о чем свидетельствует участие Ивана IV в местных делах. Как уже упоминалось, Двина была включена в опричнину и включала в себя порт въезда английских купцов. К сожалению, единственная двинская летопись относится к XVII в. и не может пролить свет на реакцию населения Двины на эти события¹⁸. Рассматриваемый в данной статье корпус двинских документов сосредоточен на частных делах. В них нет указаний на крупные события, происходившие во время правления Ивана: завоевание Казани, Ливонская война, опричнина или

¹⁸ Полное собрание русских летописей (далее ПСРА). Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. С. 149–150.

возведение Симеона Бекбулатовича в великокняжеское достоинство. Возможно, этого и не следует ожидать. Военнопленных из Ливонии и Литвы отправляли в Казань, а не в Двину. Татары — мусульмане или новообращенные, поступившие на московскую службу после завоеваний Казани и Астрахани, — получали земельные владения и хозяйства в Новгородской земле. Можно было бы ожидать упоминаний об английских купцах, активно действовавших в регионе, но их нет. Отсутствие дворянства, которое нужно было бы подавлять, и, следовательно, отсутствие вотчин или условных земель, подлежащих перераспределению, легко объясняет отсутствие упоминаний об опричнине или даже ее побочных эффектах¹⁹. Не все после коронации Ивана усвоили, что его следует именовать «царем и великим князем», а не просто «великим князем», однако лишь в трех документах допущена эта ошибка (№ 124, 129, 135) в период с 1549 по 1551 г. — такое иногда встречается и в документах, составленных ближе к Москве. Насколько двинские документы сопоставимы с другими московскими документами с точки зрения юридической терминологии и практики, еще предстоит выяснить.

Женщины

Положение женщин в Московии было предметом многочисленных исследований, хотя нет единого мнения о том, расширялись или, наоборот, сокращались права женщин в правление Ивана IV²⁰. Женщины — жены, вдовы и дочери — могли приобретать землю в Двине через приданое, наследство или покупку, а также продавать или дарить ее — иногда совместно с мужьями, иногда самостоятельно (№ 75, 98, 105, 107, 113, 186, 193, 202; этот список не является исчерпывающим). Однако, чтобы никто поспешно не предположил, что в Московии такими правами обладали только женщины высших сословий, двинские документы показывают, что ими пользовались и женщины низших слоев. Три записи наглядно иллюстрируют человеческое измерение таких сделок: мужья двух сестер распоряжаются их унаследованной собственностью (№ 160), муж продает имущество, входившее в приданое жены и перво-

¹⁹ Cp. Halperin Ch.J. Contemporary Russian Perceptions of Ivan IV's Oprichnina // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. V. 18. 2017. № 1. P. 95–124.

²⁰ Halperin Ch.J. Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Punish / Pittsburgh, 2019. P. 232–233.

начально предоставленное ее теткой (№ 202, 205), мужчина с женой отказываются от имущества, прежним владельцем которого был ее первый муж (№ 213).

Выкуп

Правовое понятие «выкуп», т.е. отмена или обращение вспять дарения или продажи, было известно в Двине²¹. Во многих документах прямо указывается, что продажа или дарение совершены «без выкупа», т.е. даритель или продавец отказывался от права изменить свое решение. Как и в других частях Московии, (даже) после издания «Судебника» 1550 г. продавцы продолжали без необходимости отрицать право сыновей и внуков на выкуп, хотя «Судебник» уже устанавливал, что такого права у них нет.

Иногда, однако, юридический язык менее формален. Вместо упоминания выкупа продавцы и дарители заявляют, что они и указанные родственники «не имеют больше дела» с данной собственностью (например, № 141, 143, 151, 162, 203 и многие другие). При этом иногда используется слово «племя», буквально означающее «род, племя», которое в этом выражении лучше переводить как «родня». Однако истинное значение термина «племя» в этих документах остается не вполне ясным (№ 140, 235, 252, 269).

Кроме того, даже после того как «Судебник» запретил выкуп дарений монастырям, дарители продолжали излишне отказываться от права выкупа — либо прямо, либо косвенно, запрещая любое последующее «дело» в отношении этих владений (например, № 139, 140, 141, 143 и многие другие).

Вместе с тем двинские документы отличаются от «обычной» практики по всей стране тем, что они никогда не предусматривают право выкупа для кого-либо. Поскольку никто не мог выкупить имущество, не было и необходимости указывать цену выкупа. Более того, глагол «выкупать» («выкупати») используется здесь также в значении погашения долговых обязательств (включая закладные) при оформлении прав собственности (№ 81, 133, 218, 226, 237, 257) — употребление, редко встречающееся в других регионах. То, что никто не подумал о предоставлении

²¹ Halperin Ch.J. Redemption (выкуп) of Land in Muscovy during the Reign of Ivan IV // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. V. 24. 2023. № 2. P. 721–752.

права на выкуп имущества, может быть связано с тем, как семьи объединялись для ведения бизнеса.

Семейное хозяйство

Как и в других местах, родственники в Двине занимались совместной экономической деятельностью, но существовало важное отличие. В центральных районах дворянские семьи совместно владели сельскохозяйственными поместьями²², тогда как в Двине крестьяне-родственники имели «доли» в промысловых предприятиях. Возможно, поэтому семейные объединения здесь реже ограничивались одним поколением, особенно союзами братьев.

Тем не менее родственники могли вести совместные дела, и примечательно, что в документах часто подчеркивается их родство. В локальном контексте и так было известно, что, например, Иван Иванов сын Федоров и Федор Иванов сын Федоров — братья, однако в ряде документов это специально оговаривается: «се яз Иван да яз Онтотман Олександровы дети, два брата» (№ 135).

В других случаях свидетель обозначается как дядя двух племянников (№ 135); участник сделки указывает, что приобрел имущество вместе с братом, а среди свидетелей присутствует его племянник (№ 184); человек совершает дарение вместе с братом и «сыном брата» (вероятно, племянником) (№ 187); свидетелями выступают один или несколько братьев участника сделки (№ 196, 233, 241, 242) или его дядя (№ 277). Такое избыточное указание родственных связей также усиливало достоверность документа.

Финансовая составляющая

Среди бояр и дворян богатство распределялось крайне неравномерно: одни были почти разорены, тогда как другие совершали щедрые денежные покупки земли и дарения монастырям²³. В целом же финансовые

²² Halperin Ch.J. The Family Business: Relatives and Property in Muscovy during the Reign of Ivan IV // Canadian-American Slavic Studies. V. 57. 2023. № 1. P. 92–118.

²³ Halperin Ch.J. Lay Donations to the Trinity Sergius Monastery during the Reign of Ivan IV // Slavonic and East European Review. V. 95. 2017. № 2. P. 271–292; [тот же автор]. Lay Cash Land Purchases during the Reign of Ivan IV // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. V. 65. 2017. № 2. P. 177–199.

операции двинских крестьян были весьма скромными, зачастую касаясь имущества стоимостью менее одного рубля. Тем не менее около десятка сделок (из 71) и некоторые оценки недвижимости в дарственных документах включали значительные суммы: 13½ рубля (№ 253), 15 рублей (№ 250, 252)²⁴, 18 рублей (№ 171)²⁵, 20 рублей (№ 233), 25 рублей (№ 166)²⁶, 30 рублей (№ 243, 248, 270), 32 рубля (№ 76), 50 рублей (№ 204)²⁷, 60 рублей (№ 218), а также три объекта за 40, 20 и 15 рублей — всего 75 рублей (№ 225).

Как дворяне на северо-востоке иногда отказывались от поместий из-за их экономической недостаточности²⁸, так и двинские крестьяне отказывались от владений, чаще всего ссылаясь на невозможность нести повинности — налоги, пошлины и служебные обязательства (№ 72, 73, 88, 95, 126, 128, 135, 161, 185, 186). Даже если такие объяснения иногда служили прикрытием иных причин (например, неудобного местоположения), они выглядели достаточно правдоподобно.

Полюбовные сделки

Две грамоты фиксируют так называемые «полюбовные» (мировые) сделки. В первой Николо-Корельский монастырь урегулировал спор о рыболовных угодьях с крестьянами посредством «мировой» грамоты, называемой также «полюбовной записью». Обе стороны обязались выплатить штраф в 100 рублей в случае нарушения соглашения (№ 220), что, возможно, свидетельствует о взаимном недоверии. Такой завышенный штраф служил скорее символом добросовестности, чем реальным экономическим сдерживающим фактором. Эта завышенная штрафная санкция также характеризует дружеские соглашения в Центральной Московии. Во второй священник с женой и тремя детьми (вероятно, это были 2 дочери и 1 сын) обменялся имуществом с Архангельским монастырем (№ 223); в этом случае штраф не предусматривался. Редкость подобных «полюбовных» сделок и их содержание в Двине полностью соответствуют практике в других регионах Московии.

²⁴ № 250 был дарением, но даритель получил деньги.

²⁵ Продавец оставил себе 12 рублей, но пожертвовал 6 рублей.

²⁶ Продавец оставил себе 20 рублей, но пожертвовал 5 рублей.

²⁷ Заложённая стоимость подаренного имущества.

²⁸ Halperin Ch.J. Obedience Charters during the Reign of Ivan IV. P. 143.

Региональная и социальная идентичность

То, как жители Двины воспринимали самих себя, проявляется через лексику, которой они пользовались, но, прежде чем обращаться к этой терминологии, необходимо уточнить наблюдение Тихомирова и восполнить пробел в понимании эволюции двинского общества. Как мы уже видели, описывая двинское общество как состоящее из крестьян, а не дворян, Тихомиров вскользь упоминает, что крестьяне и помещики (держатели условных земельных наделов, поместья) в Двине рассматривали рост монастырского землевладения как угрозу²⁹.

В Двине не было условных земельных наделов, потому что там не проживало дворянской конницы, нуждавшейся в них для экономической поддержки. Имеются свидетельства споров между крестьянами и монастырями, как, впрочем, и везде. Очевидно, что Тихомиров просто был небрежен в своем обывательском замечании о классовой борьбе. Сохранившиеся документы также свидетельствуют о том, что в Двине не было бояр. Однако это не соответствует действительности. Двина была колонией Новгородской республики. Она восстала против новгородской власти в 1397–1398 гг. В это время великий князь Василий I пытался установить контроль над регионом, издав административную (уставную) грамоту, адресованную, в частности, двинским боярам, и определяющую их права и привилегии в фискальной, судебной и административной сферах. В своем комментарии к двинской грамоте Александр Александрович Зимин также ссылался на упоминание двинских бояр в 1448–1454 гг. в грамоте о льготах для Троице-Сергиева монастыря, выданной великим князем Василием II, гарантировавшей беспошлинную перевозку товаров в Двине³⁰. Эта грамота о льготах указывает на то, что Василий II претендовал на власть над Двиной, иначе он бы не издал ее, но это также могло отражать его самоощущение как защитника Троице-Сергиева монастыря на территории, фактически находящейся вне его юрисдикции. По крайней мере, можно быть уверенным, что двинские бояре тогда все еще существовали, либо под властью Новгорода, либо оставленные в Двине как буфер против Новгорода. Тем

²⁹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С. 238.

³⁰ Памятники русского права. Вып. 3. Памятники русского права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М., 1955. С. 162–164 (текст), 185–197 (комментарий; на с. 186 цитируются Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 95. С. 151–152.

не менее присоединение Новгорода Москвой в 1478 г., вероятно, окончательно решило этот вопрос. С большой вероятностью, когда Иван III казнил или депортировал новгородских бояр, он поступил аналогично и с двинскими боярами. Если Москва раньше и контролировала Двину, ей больше не требовались двинские бояре для противостояния новгородской власти. В результате к правлению Ивана IV в Двине не было коренных бояр, и контроль Москвы над регионом стал свершившимся фактом. Возможно, это также объясняет, почему все денежные суммы в двинских документах указывают московскую, а не новгородскую монету.

Источники, рассматриваемые в этой статье, дают мало возможностей для концептуализации двинского сообщества в целом. Термин «двиняне» встречается в некоторых источниках. «Холмогорский летописец» отмечает, что Иван IV отправил «лучших двинян» для инвентаризации заброшенных английских кораблей, экипажи которых погибли зимой³¹. В одном документе свидетель идентифицируется как Роман Семенов сын Антонов, двинянин (№ 269), а в другом документе также упоминается свидетель Роман Семенов сын как двинянин (№ 273), вероятно, тот же человек. Иван IV отправил две грамоты «на Двину» (№ 255, 267). Я понимаю «Двину» как региональное обозначение, а не город и тем более не как поэтическую отсылку к реке Двина, или скорее к одной из рек Двины — Северной Двине. Вторая грамота адресована холмогорским наместникам, осуществлявшим московскую власть в регионе.

Социальная идентичность часто определяется через отрицание, через то, кто мы не есть или кто не «наш». Подюжины источников используют термин «москвитин» в отношении лиц, которые, вероятно, были московскими дворянами, если, конечно, это слово не является просто фамилией. Москвит, живущий вне Московии, теоретически мог получить фамилию «Московин» или «Москвитин». Прокофей Иванов сын Московин упоминается как свидетель (№ 160). Продавец и монастырский старец Филофей Васильев сын Московин называет своего брата, составившего акт купли-продажи, Иваном Васильевым сыном Москвитином (№ 200). Текст дарственной Истома Васильева сына Бачурина называет его «Истома Москвитин, двинской переведенец» (№ 214). В этом случае мы знаем, что «Москвитин» не был фамилией человека. Наконец, продавец Терентий Григорьев

³¹ ПСРА. Т. 33. С. 138.

сын Кологривов, старец Трифон, выбирал родственников в качестве свидетелей, а именно своих братьев: Семена «московского жильца», Фефилатея и Стефана (№ 243). Слово «жилец» означало московский придворный чин, обычно дворянский. Я предполагаю, что «московский жилец» относится только к Семену, а не к другим двум братьям. Мы не можем исключить возможность того, что семья была московского происхождения. Возможность нахождения монаха не из Двины в двинском монастыре также реальна. Безусловно, человек, бывший московским жильцом, считался бы чужаком, но более высокого статуса, чем обычный двинский крестьянин или писарь. Дарственная грамота упоминает дарителя Стефана Фролова сына Вольцова, коширена (из Каширы) сына боярского (№ 244), что подтверждает его статус чужака и дворянина. Таким образом, единственные значимые участники двинских документов, идентифицированные как дворяне, были по сути иммигрантами. Эта логика, хотя и носит лишь предположительный характер, подтверждает вывод о том, что двиняне, даже если они прямо так не идентифицировались, не были чужаками или дворянами.

Монастырские дьяки

Хорошо известно, что поскольку Двина не производила зерна, монахи не могли выращивать собственную пищу и были вынуждены ее покупать. Это требовало обращения с деньгами, а значит — получения доходов, что вело к участию в земельных и иных имущественных отношениях. Монахи могли покупать землю (№ 78 и др.), продавать ее — например, другому монаху (№ 273), и даже выступать в роли «банкиров», выдавая займы под залог недвижимости (№ 178 и др.).

Однако подобная хозяйственная деятельность не обязательно означала участие в составлении юридических документов, т.е. исполнение функций дьяка. Такая деятельность подрывала бы монашескую идентичность. Монах, бывший дьяком в мирской жизни, теоретически мог составить и записать документ, но с точки зрения монашеских обетов это считалось крайне неподобающим. По этим моральным причинам было всего 2 случая, когда монах выступал составителем документа.

Так, крылашанин (вероятно, член монастырского хора), старец Иоиль Федоров сын составил завещание для другого старца (№ 80). Странно, что старец обозначил себя своим прежним мирским именем.

Для составления данного документа можно было пригласить дьяка или грамотного мирянина. Монахи, особенно выступая как духовные отцы, могли присутствовать при составлении завещания и даже быть свидетелями, но записывать текст под диктовку для них было необычно³². Возможно, это был чрезвычайный случай. Другой монах — также крылашанин, старец Феодосий (без указания мирского имени), написал дарственную грамоту мирянину (№ 114). Объяснение этому эпизоду неочевидно.

При отсутствии дворянства и тем более бояр монастыри были своего рода элитой Двины и играли значительную экономическую роль. В документах особенно часто фигурирует Николо-Корельский монастырь, расположенный примерно в 35 км от Холмогор на Северной Двине; он упоминается почти в сотне документов. Я предварительно предполагаю, что его история не была изучена³³.

Правовое сознание

Крестьяне (и, разумеется, не только они) в эпоху правления Ивана IV в Центральной Московии могли давать устные показания в двух ситуациях: в уголовных разбирательствах губных учреждений или при разрешении межевых споров путем обхода границ и указания межевых знаков — функции, выполняемой «старожильцами». Двинские крестьяне могли участвовать в первом виде деятельности, если губные учреждения существовали на севере, что не вполне ясно. Жалованная грамота Ивана Антониево-Сийскому монастырю (близ Холмогор), адресованная двинским наместникам, упоминает «губных старост», занимавшихся делами о разбое (№ 109). При отсутствии дворянства возникает вопрос, кто выполнял подобные функции.

Крестьяне могли обозначать (и обозначали) межевые границы устно (например, № 97). Хотя большинство межевых споров решалось на основе более ранних писцовых описей, сами эти описания опирались

³² Halperin Ch.J. Clergy in the Documentary Life of the Muscovite Laity // Ivan IV and Muscovy. Bloomington, IN. 2020. P. 145–173.

³³ Разумеется, я могу просто не знать соответствующей библиографии. Однако вполне возможно, что Николо-Корельский монастырь был оставлен без внимания, поскольку историки уделяли значительное внимание двум другим северным монастырям — Кирилло-Белозерскому и Соловецкому, которые имели гораздо более широкое общероссийское влияние.

на устные сведения. При этом двинские крестьяне хорошо понимали значение письменных документов.

Одним из ключевых элементов любой передачи земли, будь то продажа, дарение или обмен, было установление права продавца, дарителя или лица, получающего обмен, распоряжаться этой собственностью. Покупатель, получатель или другой участник обмена следил за тем, чтобы любые незакрытые обременения на эту собственность были финансовой ответственностью продавца, дарителя или первого участника обмена. Двинские крестьяне понимали связь между юридическими документами и правом собственности. В акте купли-продажи, дарственной или грамоте об обмене стороны часто упоминают другие акты купли-продажи, заклады, протоколы судебных разбирательств или «правые грамоты» (№ 79, 83, 94, 114, 120, 121, 126³⁴), которые подтверждали законное владение имуществом. Акт купли-продажи, дарственная или обменная грамота также могли указывать текущее местоположение или владельца указанных документов, которым мог быть родственник (№ 128, 137, 161 [отец], 173 [«мой брат Езекий», включая грамоты о льготах и судебные грамоты], 182 [две пергаменные грамоты с печатями, акт купли-продажи и закладная], 197, 211, 216). Это требование могло также выполняться через объяснение причин недоступности определенных документов. Завещатель не хотел оставить ни малейшего сомнения в том, что имущество, которым он распоряжался, действительно принадлежало ему по праву. К таковым относилось, например, имущество, оставленное ему матерью («маткой») с актами купли-продажи, учтенное в кадастровых съемках царя и великого князя землемерами Иваном Петровичем Заболоцким и Дмитрием Ивановым сыном Темиревым со товарищи. К сожалению, другие документы хранились в церкви Святого Николая Чудотворца, которая сгорела, в результате чего они были утрачены (№ 162). Акт купли-продажи также ссылался на этот кадастр (№ 172). Наконец, в грамоте об отказе первичный участник подробно объяснял, что не предоставил акт купли-продажи на имущество, потому что он также относился к другим приобретениям; поэтому он должен был его сохранить (№ 246).

Когда в XIX в. в императорской России начали создавать «современную» систему правосудия, велось много обсуждений о том, совпадают

³⁴ Множественное число предполагает, что здесь термин «правая грамота» не означает «судебную грамоту», т.е. решение судьи после разбирательства, хотя это все же возможно.

ли представления государства и крестьян о законе и правосудии. Эти двинские документы показывают, что крестьяне могли и действительно приспосабливались к процедурам и стандартам государственного судопроизводства. Конечно, у них не было выбора, если они хотели максимально защитить свои интересы при взаимодействии с властями, но главное — они знали, как играть по правилам государства.

Дьяки: свидетели, подписанты, писцы

Приложение 1 перечисляет всех, кто составлял грамоты, их социальный статус, количество составленных ими грамот и номера документов. За исключением секретарей (дьяков) и духовенства, документы не указывают социальный статус составителя. В таких случаях я по умолчанию предполагаю, что это были крестьяне, и указываю этот статус в скобках.

Дьяки выполняли следующие функции в двинских документах: они были свидетелями, т.е. теми, кто подписывал документ, и писцами (writers) — термин, который я использую для обозначения тех, кто физически писал грамоты. Неизвестно, кто (инициатор сделки или кто-то другой) фактически составлял грамоту, но, скорее всего, инициатор указывал, чего он хотел достичь документом, а писец переводил это в правильную юридическую форму. Интуитивно разумно предположить, что инициатор(ы) также и выбирал/и свидетелей. Появление родственников в качестве свидетелей это подтверждает. Также вне всякого сомнения, что инициаторы высоко ценили свидетелей. В пяти документах свидетели описаны как «добрые люди» (№ 141, 157, 198, 206, 270). Свидетели не были обязаны юридически подписывать документы. Фактически не существовало законного требования подписывать документ, и некоторые документы не имели подписей (№ 135, 181, 187, 188, 190, 191, 206, 214, 237, 238, 275). В одном странном случае некий «Дмитрий», не указанный ни как свидетель, ни как участник сделки, подписал документ (№ 222). Конечно, подписанты должны были быть грамотными; им нужно было научиться читать, прежде чем писать свои имена³⁵. В некоторых случаях в Центральной Московии сам инициатор сделки (но

³⁵ Halperin Ch.J. Signatures and signatories: Literacy and documentation in Muscovy during the reign of Ivan IV // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. V. 70. 2022. № 1–2. P. 60–75.

никогда не женщина) писал документ³⁶. Это имело место и в двинских документах: один и тот же инициатор сам написал три документа (сам) (№ 250, 251, 252). В этой статье я сосредотачиваюсь на тех, кто писал документ для кого-то другого.

Секретари (дьяки) часто указываются как связанные с церковью, монастырем, приходской церковью, географическим местом или, в одном случае, с политической инстанцией (таможней, № 220). Я не учитывал эти обозначения, так как они не влияли на их деятельность как дьяков по отношению к этим документам. Аналогично довольно распространенное определение «земский дьяк» (секретарь местного управления) также было несущественно³⁷. Такие секретари вели записи новых местных органов, введенных при Иване IV в рамках земской реформы³⁸. Зимин утверждает, что учреждения по расследованию преступлений не создавались в районах с новой реформой местного управления, к которой якобы относилась Двина. Этот потенциальный парадокс требует отдельного рассмотрения³⁹.

Приложение 1 идентифицирует 86 различных писцов, которые составили 191 документ. Из них 56 были секретарями, написавшими 156 документов; 28 — крестьяне, написавшие 36 документов; 2 — члены духовенства, составившие 2 документа. Очевидно, что дьяки доминировали в производстве документов, но не монополизировали его. Все писцы, написавшие 6 и более документов, были дьяками. 28 дьяков написали более одного документа, тогда как только 4 крестьянина написали более одного и никогда не более пяти. 52 из 86 писцов написали только один документ; из них 28 были дьяками, 22 — крестьянами, 2 — представителями духовенства. Таким образом, относительно небольшая группа из шести дьяков оказала несоразмерно большое влияние на производство документов, составив 72, более трети, из 194 документов. Эти статистические данные, среди прочего, указывают на то, что некоторые се-

³⁶ Halperin Ch.J. Three 'Hands' and Literacy in Muscovy During the Reign of Ivan IV: 'I Affix My Hand,' 'By My Own Hand,' and 'My Man's Hand' // *Canadian-American Slavic Studies*. V. 51. 2017. № 1. P. 29–63, here 36–56.

³⁷ № 106, 116, 117, 125, 136, 140, 141, 147, 148, 158, 166, 168, 178, 191, 196, 197, 198, 208209, 216, 230, 243, 248, 258, 261, 262, 273, 277. Иногда в одном документе встречается упоминание более одного земского дьяка. В данной статье слова «секретарь» и «дьяк» взаимозаменяемы. (Прим. ред.)

³⁸ Памятники русского права. Т. 4: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1956. С. 188–197.

³⁹ Зимин А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 401.

кретари были хорошо известны в Двине инициаторам сделок, которые, предположительно, нанимали дьяков для написания документов; эти «популярные» дьяки пользовались спросом. В современных терминах такие дьяки были известны качеством своих услуг, и их репутация предшествовала им. Я не проверял систематически, писал ли кто-то из них более одного документа для одного и того же инициатора; по крайней мере, самый плодовитый писец, Патрекиец Петр сын Петров, по-видимому, этого не делал.

Неудивительно, что один писец, Петр (Петелка) Лукьянов сын, был включен в число «добрых людей», выступавших свидетелями (№ 270), хотя он появляется лишь один раз еще в качестве свидетеля (№ 269), и никогда (до этого) не писал документов. В первом случае он также подписал документ, во втором — нет.

Несмотря на заметность «звездных» дьяков, количество крестьян-писцов остается значительным. Как они приобрели навыки составления юридических документов, остается и останется неизвестным. Очевидно, что в Двине не наблюдалась нехватка дьяков. Количество единичных дьяков и крестьян указывает на широкое распространение не только функциональной грамотности, но и знания бюрократического юридического языка.

Писцы в Двине не ограничивались лишь написанием документов; как показывает пример Петра (Петелки) Лукьянова сына, они могли выступать свидетелями и могли, но не обязаны были подписывать документы. Я никогда ранее не встречал дьяка-свидетеля в документах Центральной Московии, пока не увидел это в документах Двины. Сначала я решил, что двинский феномен уникален, но короткое исследование показало обратное, о чем будет сказано ниже. Недостаток изучения дьяков-свидетелей в Центральной Московии не позволяет сделать окончательные выводы, но практика, по всей видимости, была более распространена в Двине, чем в других местах.

Ни в одном случае дьяк одновременно не был свидетелем и писцом одного и того же документа. В каждом из 24 случаев, когда дьяки выступали свидетелями, документ был написан либо другим дьяком, либо крестьянином. Более того, часто эти дьяки писали другие документы, в которых, разумеется, они не были свидетелями. В этих 24 документах было 23 разных инициатора; только один из них инициировал два документа. Таким образом, наши данные не искажены одним любящим нанимать дьяков крестьянином. Табл. 3 суммирует информацию о различных ролях дьяков-свидетелей в этих документах.

Таблица 3: Дьяки-свидетели, писцы и инициаторы

	№	Инициатор	Свидетель и подписант	Писец
1	№ 136	Иван Андреянов сын	дьяк Поздьяк Остафьев сын (написал 4 документа)	[крестьянин] Сенька Дементьев сын
2	№ 147	Петр Истома Васильев сын	дьяк Яков Дмитриев сын (не писал документов)	дьяк Поспелско Васильев сын Соломин
3	№ 158	Терентей Григорьев сын Кологривов	дьяк Яков Васильев сын Попов (не писал документов)	дьяк Перша (Перфирей) Яковлев сын Карташев
4	№ 167	Василий Сухан Александров сын Амосов	дьяк Мирон(ец) Климентьев сын Попов (14 документов)	дьяк Семейк Иванов сын
5	№ 183	Семен Кириллов сын Орлов	дьяк Филипп Иванов сын (не писал документов)	дьяк Будаец Михайлов сын
6	№ 180	Федор Евсеев сын Мошко	дьяк Перфирей (Перша) Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Будаец Михайлов сын Заломаев
7	№ 194	Иван Михайлов сын Кологривов и Стефан Иванов сын Кологривов	(без подписи) дьяк Олферей Сидоров сын (3 документа)	[крестьянин] Миронко Климентьев сын
8	№ 201	Аверкий Михайлов сын Кологривов	(без подписи) дьяки Петракей Петров сын (16 документов) и Федор Васильев сын Попов (2 документа)	дьяк Будаец Михайлов сын Заломаев
9	№ 202	Гуляй Стефанов сын Будаев и жена	дьяк Федор Васильев сын Попов (2 документа)	дьяк Петракей (Патрекей) Петров сын
10	№ 208	Стефан Мартынов сын	Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Будаец Михайлов сын Заломаев
11	№ 210	Василий Иванов сын	дьяк Поздей/Поздьяк Остафьев сын (4 документа)	[крестьянин] Епифанко Нечаев сын Парасковьин

	№	Инициатор	Свидетель и подписант	Писец
12	№ 220	Николо-Корельский монастырь	дьяк Поздяк Остафьев сын (4 документа) и таможенный дьяк Пентелей Ондреев сын (не писал документов)	дьяк Якуш Дмитриев сын Соцкий
13	№ 234	Яков Иванов сын Вепрев	Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Патрикеев Петров сын
14	№ 240	Филатий и Семен Васильевы дети Кологривовы	дьяк Микула Исаков сын Кологривов (не писал документов)	дьяк Патрекей Петров сын
15	№ 243	Терентей Григорьев сын Кологривов	дьяки Микула Иванов сын Кологривов (не писал) и Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Патрекей Петров сын
16	№ 248	Онцифор Васильев сын	дьяк Левонтей Федотов сын (не писал документов)	дьяк Федко Васильев сын Попов
17	№ 256	Евдоким Филиппов сын Дядька	Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа) и Микула Исаков сын Кологривов (не писал)	дьяк Патрекей Петров сын
18	№ 261	старец Сергей из Николо-Корельского монастыря	Перфирей Яковлев сын Карташев (3 документа)	дьяк Гаврыако Михайлов сын
19	№ 269	Терентей Захаров сын и жена	дьяк Петр (Петелка) Лукьянов сын (1 документ)	дьяк Никита Мионов сын
20	№ 270	Алексей Иванов сын	(без подписи) дьяк Петр (Петелка) Лукьянов сын	дьяк Никита Мионов сын
21	№ 271	Шестой Филатьев сын Проскурин	дьяк Микула Исаков сын Кологривов (не писал документов)	дьяк Алеша Кирилов сын
22	№ 272	Федор Селянин Лонгинов сын Подстенков	дьяк Патрекей Петров сын (16 документов)	дьяк Алеша Кирилов сын

	№	Инициатор	Свидетель и подписант	Писец
23	№ 273	старец Ефросин из Соловецкого монастыря	дьяк Никита Миронов сын (8 документов)	дьяк Петелка Лукьянов сын
24	№ 277	Леонтий Аверкиев сын Кологривов	дьяки Патрекей Петров сын (16 документов) и Микула Исаков сын Кологривов (не писал документов)	дьяк Алеша Кирилов сын Офутин

В двух случаях дьяк выступал свидетелем, но не подписывал документ (табл. 3, № 8; табл. 3, № 20), что вновь показывает, что подпись свидетеля не была обязательной и окончательно доказывает, что отсутствие подписи вовсе не свидетельствует о неграмотности свидетеля. Из 23 различных инициаторов, предположительно выбиравших свидетелей, трое (табл. 3, № 12, 18, 23) были связаны с монастырями, что означает, что профессиональная компетентность дьяков признавалась как внутри монастырских стен, так и вне их. Кроме того, участие в качестве свидетеля с подписанием документа не было для этих дьяков разовым опытом — они делали это неоднократно. Четырнадцать дьяков выступали свидетелями и подписывали документы в общей сложности 27 раз:

- Федор Иванов сын (табл. 3, № 5)
- Федор Васильев сын Попов (табл. 3, № 8, 9)
- Яков Дмитриев сын (табл. 3, № 2)
- Яков Васильев сын Попов (табл. 3, № 3)
- Левонтей (табл. 3, № 16)
- Микула Исаков сын Кологривов (табл. 3, № 14, 15, 17, 21, 24)
- Миронец Климентьев сын Попов (табл. 3, № 4)
- Никита Миронов сын (табл. 3, № 23)
- Олферий Сидоров сын (табл. 3, № 7)
- Пентелей Ондреев сын (табл. 3, № 12)
- Петр Лукьянов сын (табл. 3, № 19)
- Перфирей Яковлев сын Карташев (табл. 3, № 6, 10, 13, 17, 18)
- Патрекей Петров сын (табл. 3, № 8, 22, 24)
- Поздьяк Остафьев сын (табл. 3, № 1, 11, 12).

Как видно, большинство этих дьяков-свидетелей также писали документы, хотя трое (табл. 3, № 2, 3, 5) этого не делали. Я отдельно проверил наиболее продуктивного писца, Патрекея/йца Петрова сына, ко-

торый был свидетелем в трех документах, чтобы выяснить, писал ли он когда-либо документ для того же заказчика, у которого выступал свидетелем. Нет, такого не было.

С точки зрения формы документа никто не мог одновременно быть и писцом, и свидетелем одного и того же акта. Чтобы избежать путаницы, дьяк Перша Яковлев сын Карташев, указав себя писцом документа № 258, затем отметил, что он же его и подписал («тот же»), но не назвал себя свидетелем. Функция свидетеля заключалась в том, чтобы выступить объективным наблюдателем, удостоверяющим достоверность документа. В некотором смысле свидетель подтверждал ценность документа собственной репутацией. Очевидно, он не мог бы объективно оценивать достоверность документа, который сам же составил. Инициатор выбирал и писца, и свидетелей, но их статус по отношению к документу был различным. Писцы, особенно дьяки, были оплачиваемыми профессионалами. Хотя прямых доказательств нет, можно предположить, что и крестьяне-писцы получали вознаграждение. Свидетель же, получивший плату от инициатора, рисковал утратить объективность: его оценка достоверности документа могла оказаться предвзятой. Маловероятно, хотя и не исключено, что инициатор платил родственнику за участие в качестве свидетеля. Следовательно, дьяки-свидетели, чтобы сохранять подлинную независимость, по-видимому, действовали безвозмездно. Это также может объяснять, почему писец — профессиональный или нет — не выступал свидетелем в деле человека, который ранее нанимал его для составления другого документа. Теоретически это могло уменьшить число потенциальных клиентов, но, как показывает пример Патрекейца Петрова сына, возможно, наоборот, повышенная репутация дьяка как свидетеля способствовала его профессиональному успеху.

Можно исключить один возможный мотив, по которому крестьяне-инициаторы выбирали дьяков в качестве свидетелей вместо крестьян. Свидетели не обязаны были подписывать грамоту, поэтому неграмотность крестьянина не мешала его выбору, равно как грамотность дьяка сама по себе не давала ему преимущества. Аналогично свидетели должны были лишь выслушать зачитанный текст и подтвердить его правильность — для этого грамотность также не требовалась.

Ситуация, когда дьяк выступает свидетелем документа, написанного крестьянином (табл. 3, № 1, 7, 11), с точки зрения современной историографии почти немыслима, однако в материалах по Двине имеются три надежно засвидетельствованных случая. Было ли такое в Центральной Московии — остается открытым вопросом.

Социальные последствия участия дьяков-свидетелей столь же интересны, как и формальные аспекты документации. В правление Ивана крестьяне в Московии еще не были крепостными. В традиционном обществе XVI в. их статус определялся главным образом происхождением, а не занятием. Крестьяне могли заниматься добывающими промыслами (как часто и происходило в Двине), ремеслами, торговлей и сельским хозяйством. Однако независимо от рода деятельности они стояли ниже дьяков, чей статус определялся профессией. Поэтому крестьянин-инициатор мог выбирать дьяка-свидетеля, чтобы придать документу большую авторитетность.

Если применить эту социальную логику к документам, связанным с дворянством или боярством, эффект будет противоположным: дворяне вряд ли стремились бы привлекать дьяков в качестве свидетелей. Дворяне были наследственной элитой и стояли выше дьяков, которые не принадлежали к наследственному дворянству. Обращение к дьяку как свидетелю могло восприниматься как социально унижительное или даже скандальное. Поэтому логично было бы предположить, что дворяне избегали такой практики.

Однако, как это часто бывает в истории Московии, полностью без исключений не обходится. Обратившись к сборнику более чем 250 актов земельных сделок Центральной Московии, я обнаружил шесть случаев участия дьяков-свидетелей при инициаторах некрестьянского происхождения. Пять из них связаны с дворянами, а шестой — с еще более высоким статусом.

Царица Мария (жена царевича Симеона Касаевича, обращенного чингизида), дочь Андрея Михайловича Кутузова, пожертвовала монастырю Св. Иосифа два имения, которые принадлежали ее отцу, но были дарованы сестре царицы Марии, также Марии. Я делаю вывод, что сестра умерла, и царица Мария исполняла ее завещание или последние желания.

Свидетелями были несколько местных чиновников: городской приказчик Волока Федор Обрамов сын; губной староста Иван Никитин сын Зароцкой; Шания Никитин сын Ключарев, «розсыльщик» Волока; и Юрий Михайлов сын Куров, земский дьяк. Документ был составлен другим земским дьяком Волока, Васькой Михайловым сыном Кореневым⁴⁰.

⁴⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. II. М., 1956. 1571/1572. № 355. С. 395–396.

Чингизиды на службе у Москвы, обращенные или нет, имели уникальный статус; они находились вне границ русского общества. Поэтому достоинство царицы Марии не могло быть негативно затронуто использованием секретаря-свидетеля.

Петр Игнатьев сын в одной грамоте пожертвования, составленной им для жены дворянина⁴¹, обозначен как губной дьяк, но не упомянут как дьяк в другой грамоте (которую он засвидетельствовал), где пожертвование совершали дворяне, муж и жена⁴². По мнению редакторов этих документов, он и Юрьев Петр Игнатьев сын могли быть одним и тем же человеком, губным дьяком, свидетелем пожертвования, сделанного дворянской вдовой⁴³. Другая дворянская вдова совершила пожертвование с участием земского дьяка Волока Федора Парфенова сына Папова в качестве свидетеля⁴⁴. Наконец, обмен имуществом между дворянами рода Ржевских включал среди свидетелей Андрея Яковлева сына Щелкалова, не обозначенного как дьяк; он в итоге занял очень высокий политический пост — секретаря самого царя⁴⁵.

В четырех из шести случаев инициаторами выступают женщины — три дворянки и одна жена чингизида высокого статуса. Это может быть совпадением. Но мы можем сделать два вывода:

1. Позиция дьяка-свидетеля не была абсолютно исключением для Двины.
2. Явление дьяков-свидетелей в Центральной Москве заслуживает дальнейшего изучения.

В Двине крестьяне и дьяки хорошо знали друг друга. Можно предположить, что они принадлежали к одной общине и ощущали себя ее частью. Возможно, существовала даже более тесная социальная связь. Упоминается секретарь Микула Исаков сын Кологривов, который подписал пять документов (№ 240, 243, 256, 271, 277), но не писал их сам, хотя был продавцом в одном (№ 239) акте купли-продажи. Крестьянин Васюк Иванов сын Кологривов написал один документ (№ 214). Крестьяне-инициаторы сделок в базе данных Двины вклю-

⁴¹ Там же. 1567/1568. № 323, 341. Жена не представлена как вдова; она действует вместе с дочерью, без участия мужа. Следовательно, она пожертвовала имущество, принадлежавшее исключительно ей, вероятно приданое, часть которого она уже выделила дочери.

⁴² Там же. 1568/1569. № 334, 352–353.

⁴³ Там же. 1566/1567. № 318, 336–337.

⁴⁴ Там же. 1576/1577. № 364, 404–405.

⁴⁵ Там же. 1559/1560. № 28, 289.

чают: Михаила Иванова сына Кологривова и сына Ивана (№ 110) или с сыном Иваном и сыновьями Аверкием, Феофилатом Большаковым и Михаилом (№ 116); Василия, Исаака и Терентия Григорьевых детей Кологривовых (№ 111); Михаила Иванова сына Кологривова и сына Ивана (№ 112); Григория Иванова сына Кологривова (№ 119); Ивана, Аверкия, Фефилатия Большака и Михаила Михайловых детей Кологривовых (№ 139); старца Герасима Иванова сына Кологривова из Николо-Корельского монастыря (№ 141); Семена Григорьева сына Кологривова (№ 149); Терентия Григорьева сына Кологривова (№ 158); Ивана Михайлова сына Кологривова (№ 159); Ивана, Аверкия и Михаила Михайловых детей Кологривовых от имени их умершего брата Фефилатия Большака монаха Феодорита (Михаил Михайлов сын Кологривов подписал документ) (№ 168); Ивана Михайлова сына Кологривова и Стефана Иванова сына Кологривова (№ 194); Федораю Михайлову дочь Кологривова (№ 195, а также с мужем Гуляем Стефановым сыном Будаевым, № 202, 205); Василия Иванова сына Иаковлева Кологривова (№ 196); Аверкия Михайлова сына Кологривова (№ 201); Ивана Михайлова сына Кологривова с сыновьями Степаном и Василием (№ 203); Семена Григорьева сына Кологривова и сыновей Ивана и Федора Семеновых детей Кологривовых (№ 231); Иакова Коку Иванова сына Кологривова (№ 232); Фефилата и Семена Васильевых детей Кологривовых (№ 240, свидетелями и подписавшими документ был дьяк Микула Иванов сын Кологривов, хотя документ написал другой человек); Иакова Васильева сына Кологривов (№ 241); Леонтия Иванова сына Иаковлева Кологривов, свидетелями документа были его братья Василий, Иван и Моисей Ивановы дети Иаковлевы Кологривовы, и который Леонтий и свидетели Васюк (Василий)⁴⁶ и Иванко (Иван) подписали (№ 242); Терентя Григорьева сына Кологривова (см. выше № 158, позднее старец Трифон) и сына Ивана, свидетелями были братья Терентя: Семен московский житель (жилец), Фефилатей, Стефан и Иван Михайловы дети Кологривовы, документ засвидетельствовал и подписал (но не написал) земский дьяк Микула Иванов сын Кологривов (№ 243); и Леонтий Аверкиев сын Кологривов (№ 277). Грамота о пожертвовании указывает, что переданное имение было приобретено у Терентия Кологривова и его

⁴⁶ Возможно, крестьянин Васюк Иванов сын Кологривов, составивший один документ (№ 214), — это тот же человек, что свидетель Васюк Иванов сын Яковлев Кологривов (№ 242).

сына Ивана, Семена Кологривова и его сыновей, а также Левонтея Кологривова (№ 244). Более двух десятков документов свидетельствуют о том, что многопоколенная семья Кологривовых была очень активна в Двине, даже если не все носители фамилии «Кологривов» относились к ней. Некоторые ее члены были грамотны и подписывали документы; один достиг определенного статуса в Москве, а двое стали монахами Николо-Корельского монастыря. Семья Кологривовых, безусловно, знала Микулу Иванова сына Кологривова; они приглашали его быть свидетелем двух своих сделок. Тем не менее, несмотря на эти две возможности, Кологривовы никогда не упоминали о родстве с секретарем. Нет доказательств того, что Микула был связан кровным родством с однофамильцами. Теоретически исключить такую возможность нельзя: семья, члены которой умели подписывать свои имена и в составе которой были московский дворянин и монахи, вполне могла породить местного дьяка. Родственные связи между хотя бы одним дьяком и крестьянами Двины, безусловно, способствовали бы сотрудничеству между крестьянами и дьяками-свидетелями, описанному в этой статье, если бы имелись необходимые доказательства.

Без таких подтверждений существование профессиональных отношений между двинскими крестьянами и дьяками пока является наилучшим объяснением явления дьяков-свидетелей.

Заключение

Двина находилась на периферии Московского государства. Хотя эта территория была включена в опричнину, практика ее документооборота не соответствует типичной модели Центральной Московии. Двина отличалась от центральных районов политически, социально и экономически отсутствием бояр и дворянства. В то же время монастыри, как и в других регионах, играли здесь значительную роль. Не следует ожидать полного соответствия двинских институтов их московским аналогам. Богатый корпус из более чем двухсот двинских документов времени правления Ивана IV демонстрирует как сходства, так и различия, отражающие специфику региона, причем нередко неожиданным образом. Обнаруживаются некоторые своеобразные формульные особенности, требующие дальнейшего изучения специалистами по актовой письменности. Крестьянки в Двине обладали практически теми же имущественными правами, что и боярыни или дворянки

в Центральной Московии. Сделки с недвижимостью — купли и дарения — упоминают те же процедуры выкупа, что и в центре, однако в двинских документах никогда прямо не указывается лицо, обладающее правом выкупа. Семейные предприятия в Двине были столь же распространены, как и в центральных районах, однако предприятия, ограниченные одним поколением братьев, встречались реже. В Двине существовали новые формы местного управления, но, возможно, отсутствовали губные учреждения. Если в Центральной Московии бояре и дворяне понимали значение письменного оформления прав собственности, то жители Двины проявляли к этому почти навязчивое внимание. Практика «полюбовных сделок» также была известна на Севере. Таким образом, общество и экономика Двины в целом следовали общим моделям Московского государства.

Более активное участие северных монахов в хозяйственной деятельности вне монастырских стен — в том числе для получения средств на пропитание — уже известно по исследованиям Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей. Однако, по-видимому, лишь две грамоты были написаны монахами. Несмотря на редкость, эти случаи заслуживают внимания и могут побудить к более тщательному изучению аналогичных явлений в Центральной Московии.

Роль дьяков как свидетелей в Двине имеет мало параллелей в центральных районах. Ее можно объяснить через сопоставление социальной иерархии: в центре бояре и дворяне стояли выше дьяков, тогда как в Двине крестьяне занимали более низкое положение по отношению к ним. Однако и здесь существуют исключения, требующие дальнейшего изучения.

Таким образом, корпус двинских документов поднимает новые вопросы о производстве актов и социальных взаимодействиях дьяков, которые следует рассматривать в более широком контексте будущих исследований Московского государства.

Приложение 1: Авторы документов

Количество — Социальный статус — Имя — № документа

16 — дьяк — Патрекеец Петров сын — № 196, 267, 191, 192, 197, 202, 205, 231, 239, 240, 233, 242, 243, 256, 234

14 — дьяк — Миронец Климентьев сын Попов — № 74, 84, 105, 113, 120, 127, 128, 130, 137, 141, 142, 152, 170, 194

- 9 — дьяк — Ивашко Михайлов сын — № 199, 207, 219, 223, 227, 173, 174, 175, 246
- 8 — дьяк — Никитка Миронов сын — № 259, 260, 263, 264, 265, 266, 269, 270
- 7 — дьяк — Епифанец Нечаев сын Параковъин — № 156, 163, 198, 210, 218, 232, 233
- 6 — дьяк — Насонец Михайлов сын — № 87, 89, 117, 157, 160, 226
- 6 — дьяк — Федько Никитин сын Кукольник — № 209, 212, 213, 216, 217, 230
- 6 — дьяк — Иванко Федоров сын — № 102, 140, 107, 119, 139, 146
- 5 — дьяк — Будаец Михайлов сын Заломаев — № 178, 180, 190, 201, 208
- 5 — дьяк — Семейк Иванов сын — № 167, 176, 177, 181, 186
- 5 — крестьянин — Терентей Юрьев сын — № 122, 124, 129, 135, 143
- 4 — дьяк — Поздык Остафьев сын — № 108, 125, 150, 188
- 3 — дьяк — Алеша Кириллов — № 271, 272, 277
- 3 — дьяк — Давыд Михайлов сын — № 86, 91, 94
- 3 — дьяк — Гаврилко Михайлов сын — № 255, 257, 261
- 3 — дьяк — Якуш Васильев сын Телов — № 164, 166, 168
- 3 — дьяк — Иван Григорьев сын — № 99, 115, 118
- 3 — крестьянин — Коземка Иванов сын⁴⁷ — № 250, 251, 252
- 3 — крестьянин — Матфей Овдокимов сын Ульянов — № 110, 111, 112
- 3 — дьяк — Олферко Сидоров сын — № 185, 193, 215
- 3 — дьяк — Перша Яковлев сын Карташев — № 158, 159, 258
- 3 — крестьянин — Васюк Яковлев сын Соломин — № 85, 95, 101
- 2 — дьяк — Елка Огафанов сын Куренский — № 121, 123
- 2 — дьяк — Федько Васильев сын Попов — № 248, 249
- 2 — дьяк — Гришка Васильев сын — № 131, 132
- 2 — дьяк — Якуш Дмитриев сын Соцкий — № 148, 220
- 2 — дьяк — Якуш Григорьев сын — № 83, 144
- 2 — дьяк — Юка Иванов сын — № 72, 82
- 2 — дьяк — Митроха Григорьев сын — № 184, 253
- 2 — крестьянин — Офония Васильев сын Страхов — № 171, 172
- 2 — дьяк — Сенька Иванов сын — № 79, 116
- 2 — дьяк — Степанец Иванов сын Дьяконов — № 183, 211
- 2 — дьяк — Суханец Алексеев сын Попов — № 238, 224
- 1 — крестьянин — Александр Волх Власаев сын — № 92

⁴⁷ В данном случае — основное лицо (инициатор) в сделке.

- 1 — дьяк — Алеша Иванов сын Дьяконов — № 189
- 1 — крестьянин — Андрюшка Никитин сын — № 275
- 1 — крестьянин — Антон Никитин сын — № 81
- 1 — крестьянин — Анцифорко Никифоров сын Обрядин — № 106
- 1 — дьяк — Артамон Пантелеев сын — № 98
- 1 — крестьянин — Богдан Иосифов сын Июдин — № 247
- 1 — дьяк — Епифанец Евлампиев сын Параковъин — № 149
- 1 — дьяк — Епсух Тимофей сын Попов — № 100
- 1 — дьяк — Фодорец Васильев сын — № 195
- 1 — монах — Феодосий — № 114
- 1 — дьяк — Фля Иванов сын Дьяконов — № 187
- 1 — дьяк — Гаврило Семенов сын — № 77
- 1 — крестьянин — Яким Романов сын — № 133
- 1 — дьяк — Якуб Григорьев сын — № 78
- 1 — крестьянин — Якун Дмитриев сын — № 93
- 1 — дьяк — Якут Григорьев сын — № 104
- 1 — монах — Иоил Федоров сын — № 80
- 1 — крестьянин — Иван Андреев сын Омосов — № 245
- 1 — дьяк — Иван Федоров сын — № 106
- 1 — дьяк — Иван Михайлов сын — № 109
- 1 — крестьянин — Иван Васильев сын Москвитин — № 200
- 1 — дьяк — Ивашко Лукин сын Дьяков — № 182
- 1 — дьяк — Ивашко Патрекеев сын Зубов — № 274
- 1 — дьяк — Кондратец Михайлов сын Попов — № 162
- 1 — дьяк — Конуш Михайлов сын Попов — № 154
- 1 — крестьянин — Матка Федоров сын Щаброн — № 169
- 1 — крестьянин — Миша Григорьев сын Сикцев — № 73
- 1 — крестьянин — Мита Шираев сын — № 134
- 1 — крестьянин — Никита Есипов сын — № 204
- 1 — дьяк — Никитка Семенов сын — № 161
- 1 — дьяк — Офония Степанов сын — № 126
- 1 — дьяк — Олеша Васильев сын — № 151
- 1 — дьяк — Ондрушка Григорьев сын — № 90
- 1 — крестьянин — Остачко Григорьев сын Дьяконов — № 88
- 1 — дьяк — Паня Ларионов сын — № 229
- 1 — крестьянин — Паня Петров сын — № 179
- 1 — дьяк — Парфенко Михайлов сын — № 237
- 1 — крестьянин — Перка Иванов сын — № 222
- 1 — дьяк — Петелка Лукьянов сын Офутин — № 273

- 1 — дьяк — Поспелко Васильев сын Соломин — № 147
1 — крестьянин — Семейк Евстафьев сын — № 235
1 — дьяк — Семейка Сумороков сын — № 262
1 — крестьянин — Сенька Дементьев сын — № 136
1 — крестьянин — Скуратко Григорьев сын — № 225
1 — дьяк — Стефанец Антонов сын — № 145
1 — дьяк — Тимофей Федоров сын — № 154
1 — крестьянин — Тимошка Игнатьев сын — № 244
1 — дьяк — Василий — № 75
1 — крестьянин — Васюк Иванов сын Кологривов — № 214
1 — крестьянин — Васька Назарьев сын — № 236
1 — крестьянин — Васька Титов сын — № 153.

Продолжительность «карьеры» дьяков определить надежно невозможно. Для наиболее продуктивных писцов можно выделить следующие датировки по двинским документам⁴⁸:

- Патрекеец Петров сын — 1573–1580
Миронец Климентьев сын Попов — 1534–1572
Ивашко Михайлов сын — 1573–1581
Никитка Миронов сын — 1582–1583
Епифанец Нечаев сын Параковьин — 1558–1580
Насонец Михайлов сын — 1540–1579
Федько Никитин сын Кукольник — 1576–1580
Иванко Федоров сын — 1543–1556

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

⁴⁸ Я не учитывал возможность того, что двинские дьяки могли профессионально действовать и за пределами Двины.

Список литературы / References

1. *Акты феодального землевладения и хозяйства*. Ч. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 663 с.
Acts of feudal landowning and economy. Part II. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1956. 663 p. (in Russ.)
2. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / Ред. С.Н. Валк. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 408 с.
Charters of Veliky Novgorod and Pskov / Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1949. 408 p. (in Russ.)
3. Halperin C.J. Lay cash land purchases during the reign of Ivan IV. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2017;65(2):177–199.
4. Halperin C.J. Signatures and signatories: Literacy and documentation in Muscovy during the reign of Ivan IV. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2022;70(1–2):60–75.
5. Halperin C.J. Chapter 6. Clergy in the documentary life of the Muscovite laity, in: *Ivan IV and Muscovy*. Bloomington (In.): Slavica, 2020. P. 145–173.
6. Halperin C.J. Contemporary Russian perceptions of Ivan IV's Oprichnina. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017;18(1):95–124.
7. Halperin C.J. *Ivan the Terrible: Free to reward and free to punish*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2019. 366 p.
8. Halperin C.J. Lay donations to the Trinity Sergius monastery during the reign of Ivan IV. *Slavonic and East European Review*. 2017;95(2):271–292.
9. Halperin C.J. Obedience charters during the reign of Ivan IV. *Russian History*. 2024;52(1):131–153.
10. Halperin C.J. Redemption (выкуп) of land in Muscovy during the reign of Ivan IV. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2023;24(2):721–752.
11. Halperin C.J. The family business: Relatives and property in Muscovy during the reign of Ivan IV. *Canadian-American Slavic Studies*. 2023;57(1):92–118.

12. Halperin C.J. Three 'hands' and literacy in Muscovy during the reign of Ivan IV: 'I affix my hand,' 'By my own hand,' and 'My man's hand'. *Canadian-American Slavic Studies*. 2017;51(1):29–63.
13. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники русского права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. 527 с.
Monuments of Russian law. Iss. 3. Russian law monuments from the period of the formation of the Russian centralized state of the 14th–15th centuries. Moscow: State publishing house of legal literature, 1955. 527 p. (in Russ.)
14. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. 632 с.
Monuments of Russian law. Iss. 4. Monuments of law from the period of strengthening of the Russian centralized state of the 15th–17th centuries. Moscow: State publishing house of legal literature, 1956. 632 p. (in Russ.)
15. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Серия: ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. 250 с.
The Kholmogory chronicle. Dvinsk chronicler. Series: Complete collection of Russian chronicles (PSRL). Vol. 33. Leningrad: Nauka, 1977. 250 p. (in Russ.)
16. Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 1. Грамоты Двинского уезда. Пг.: Российская академическая типография, 1922. 968 с.
Collection of charters of the college of economy. Vol. 1. Charters of the Dvina District. Petrograd: Russian State Academic printing house, 1922. 968 p. (in Russ.)
17. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 583 с.
Tikhomirov M.N. Russia in the 16th century. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1962. 583 p. (in Russ.)
18. Веселовский С.В. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
Veselovskii S.V. Clerks and under-clerks of the 15th–17th centuries. Moscow: Nauka, 1975. 607 p. (in Russ.)

19. Зимин А.А. *Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в.* М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 511 с.
Zimin A.A. Reforms of Ivan the Terrible. Studies of the social-economic and political history of Russia in the middle of the 16th century. Moscow: Publishing house of socio-economic literature, 1960. 511 p. (in Russ.)

Чарлз Дж. Гальперин
Charles J. Halperin

независимый исследователь, Блумингтон,
Индиана, США
E-mail: chalperi@iu.edu
DOI 0000-0002-6667-0555

Independent Scholar, Bloomington,
Indiana, USA
E-mail: chalperi@iu.edu
DOI 0000-0002-6667-0555

Поступила в редакцию /
Received
10.12.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
15.01.2026

Принята к публикации /
Accepted
10.02.2026